

№ 2

ФЕВРАЛЬ
1940
ГОД ИЗДАНИЯ
ШЕСТНАДЦАТЫЙ

В. И. Девкин

XVIII 63
II



Мурзюшка

ОРГАН ЦК ВЛКСМ

ДЕТИЗДАТ ЦК ВЛКСМ

ЖУРНАЛ ДЛЯ ШКОЛЬНИКОВ МЛАДШИХ КЛАССОВ



Мамлакат Нахангова, орденоносец

Рисунки Б. Дехтерева

В ГОСТЯХ У ТОВАРИЩА МОЛОТОВА

Это было в 1936 году в Артеке. Утром мы собрались итти на пляж. Вдруг Мишу Кулешова, Барасби, Шамшажанову, Ньюму Латинского, меня и еще других ребят вызвали к директору лагеря.

— Поедете виноград собирать.

Мы стали готовиться. Артековцы спрашивают:

— Куда?

Мы отвечаем:

— Виноград собирать.

И только в машине нам сказали:

— А ведь мы едем к Молотову!

Мы думали, что это шутка, но все-таки немножко поверили. И вот мы подъехали к воротам санатория, нам говорят:

— Куда вы? Вячеслав Михайлович уехал в Москву!

А мы говорим:

— Неправильно! Он здесь! Мы чувствуем, что он здесь!

Нас пропустили. Мы зашли во двор. Потом нас повели в комнату. Там сидела женщина с девочкой Светланой. Они стали нас угощать яблоками. И вдруг вошел товарищ Молотов. Мы встали и хотели его приветствовать, но не смогли, потому что у всех были полные рты. Мы давай скорей глотать яблоки громадными кусками, не жуя. Только один Лева успел сказать:

— Да здравствует товарищ Молотов!

Вячеслав Михайлович обнял меня и сказал:

— А, старая знакомая, здравствуй!

И потом сказал:

— Как ты выросла, Мамлакат!



И я очень обрадовалась, что товарищ Молотов меня помнит с прошлого года, когда я была в Кремле.

Потом мы затянули песню. Товарищ Молотов сказал:

— Запишите для меня слова.

Мы записали. Только не все, потому что очень длинная песня. Товарищ Молотов пел вместе с нами и вдруг говорит:

— Что ж вы мне не все слова записали?

И мы записали всё до конца.

Потом пели нашу лагерную:

*У Артека на носу
Приютилось Суук-Су...*

И Вячеслав Михайлович сказал:

— Придется артековцам отдать Суук-Су!

И мы еще больше обрадовались.

Потом сели обедать. Товарищ Молотов сказал:

— Надо выбрать хозкомиссию!

В хозкомиссию выбрали Барасби, Мишу Кулешова и меня, а председателем был товарищ Молотов.

Хозкомиссия расставляла тарелки, разливала, а председатель следил, чтобы все ели. Одному мальчику, Киму, он дал лимон. Тот лизнул и такую скорчил гримасу, что Вячеслав Михайлович засмеялся, и за ним мы все засмеялись. А председатель хозкомиссии все говорил:

— Кушайте, ребята, не стесняйтесь! — А сам ел последний.

Потом пошли в сад. Товарищ Молотов проводил нас и велел отдыхать, а сам ушел. Мы сразу вскочили, давай шуметь, говорить про Молотова, а тут он вышел из-за дерева и говорит:

— Вы меня обманули! Я вам велел отдыхать.

Мы легли. А когда Вячеслав Михайлович ушел, мы опять стали разговаривать, потому что от радости нам не лежалось. А потом слышим, товарищ Молотов идет обратно. Мы сразу притихли, притворились, будто спим. Но товарищ Молотов догадался и говорит:

— Опять обманываете!

Мы все засмеялись, а товарищ Молотов сказал:

— Встаньте!

Мы мигом вскочили, окружили товарища Молотова и пошли в комнату пить чай. Товарищ Молотов расспрашивал, как мы отдыхаем, как учимся, и мы ему отвечали.

Потом мы с Барасби плясали кабардинку, и все ребята хлопали в такт, и товарищ Молотов тоже хлопал в такт. А когда стало темнеть, я подошла к товарищу Молотову и сказала:

— Товарищ Молотов, напишите нам немножко, а то ребята не поверят, что мы у вас были.

Он сказал:

— Давайте бумаги, я напишу.

Мы сразу подали блокнот, и товарищ Молотов написал:

«Ваши представители, дорогие ребята, были у меня. Я им был очень рад. Отдыхайте хорошо. Привет. В. Молотов».

Когда мы собрались уезжать, уже было темно. Десять раз прощались. Вячеслав Михайлович обнимал нас, целовал, и мы тоже его очень крепко целовали. Вячеслав Михайлович провожал нас. Мы шли к машинам, а сами всё оглядывались на товарища Молотова, который махал нам рукой.

В машине мы расшумелись по-настоящему, всю дорогу пели, веселились. Когда приехали в Артек, нам все еще трудно было молчать, и дежурный вожатый рассердился:

— Тише! Лагерь уже спит!

Я потихоньку вошла в свою палату. Некоторые девочки сквозь сон спрашивали:

— Где была?

Я отвечала, стараясь не засмеяться:

— Виноград собирала.

И только утром мы сказали ребятам, где были, и показали письмо. А ребятам все не верилось; они нам завидовали и заставляли без конца рассказывать про то, как мы целый день провели в гостях у Вячеслава Михайловича Молотова.

Записал Я. Тайц



ЦВЕТИК - СЕМИЦВЕТИК



Валентин Катаев

ЖИЛА девочка Женя. Однажды послала ее мама в магазин за баранками. Купила Женя семь баранок: две баранки с тмином — для папы, две баранки с маком — для мамы, две баранки с сахаром — для себя и одну маленькую розовую баранку — для братика Павлика. Взяла Женя связку баранок и отправилась домой. Идет — по сторонам зевает, вывески читает, ворон считает. А тем временем сзади пристала незнакомая собака да все баранки одну за другой и съела. Сначала съела папины с тмином, потом мамнины с маком, потом Женины с сахаром. Почувствовала Женя, что баранки стали что-то чересчур легкие. Обернулась, да уж поздно! Мочалка болтается пустая, а собака последнюю, розовую, Павликову, бараночку доедает, облизывается.

— Ах, вредная собака! — закричала Женя и бросилась ее догонять.

Бежала, бежала, собаку не догнала, только сама заблудилась. Видит — место совсем незнакомое: больших домов нет, а стоят маленькие доми-

ки. Испугалась Женя и заплакала. Вдруг, откуда ни возьмись, старушка.

— Девочка, девочка, почему ты плачешь?

Женя старушке все и рассказала.

Пожалела старушка Женю, привела ее в свой садик и говорит:

— Ничего, не плачь, я тебе помогу. Правда, баранок у меня нет и денег тоже нет, но зато растет у меня в садике один цветок, называется «цветик-семицветик», он все может! Ты, я знаю, девочка хорошая, хотя и любишь зевать по сторонам. Я тебе подарю цветик-семицветик, он все устроит.

С этими словами старушка сорвала с грядки и подала девочке Жене очень красивый цветок, вроде ромашки. У него было семь прозрачных лепестков, каждый другого цвета: желтый, красный, синий, зеленый, оранжевый, фиолетовый и голубой.

— Этот цветик, — сказала старушка, — не простой. Он может исполнить все, что ты захочешь. Для этого надо только оторвать один из лепестков, бросить его и сказать:

*Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснешься ты земли —
Быть по-моему вели!*

Вели, чтобы сделалось то-то или то-то — и это тотчас делается.

Женя вежливо поблагодарила старушку, вышла за калитку и тут только вспомнила, что не знает дороги домой. Она захотела вернуться в садик и попросить старушку, чтобы она ее проводила до ближнего милиционера, но ни садика, ни старушки как не бывало. Что делать? Женя уже собиралась, по своему обыкновению, заплакать, даже нос сморщила, как гармонику, да вдруг вспомнила про заветный цветок.

— А ну-ка, посмотрим, что это за цветик-семицветик!

Женя поскорее оторвала желтый лепесток, кинула его и сказала:

*Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснешься ты земли —
Быть по-моему вели!*

— Вели, чтобы я была дома с баранками!

Не успела она это сказать, как в тот же миг очутилась дома, а в руках — связка баранок.

Женя отдала маме баранки, а сама про себя

думает: «Это и вправду замечательный цветок! Его непременно надо поставить в самую красивую вазочку».

Женя была совсем небольшая девочка, поэтому она влезла на стул и потянулась за любимой маминой вазочкой, которая стояла на самой верхней полке. В это время, как на грех, за окном пролетали вороны. Жене, понятно, тотчас захотелось узнать совершенно точно, сколько ворон — семь или восемь. Она открыла рот и стала считать, загибая пальцы, а вазочка полетела вниз и — бац! — раскололась на мелкие кусочки.

— Ты опять что-то разбила, тяпа-растяпа! — закричала мама из кухни. — Не мою ли самую любимую вазочку?

— Нет, нет, мамочка, я ничего не разбила. Это тебе послышалось! — закричала Женя, а сама поскорее оторвала красный лепесток, бросила его и прошептала:

*Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснешься ты земли —
Быть по-моему вели!*

Вели, чтобы мамина любимая вазочка сделалась целая!

Не успела она это сказать, как черепки сами собой поползли друг к другу и стали срастаться.

Мама прибежала из кухни — глядь, а ее любимая вазочка как ни в чем не бывало стоит на своем месте. Мама на всякий случай погрозила Жене пальцем и послала ее гулять во двор.

Пришла Женя во двор, а там мальчики играют в Папанина: сидят на старых досках и в песок воткнута палка.

— Мальчики, мальчики, примите меня поиграть!

— Чего захотела! Не видишь — это Северный полюс? Мы девчонок на Северный полюс не берем!

— Какой же это Северный полюс, когда это одни доски?

— Не доски, а льдины... Уходи, не мешай! У нас как раз сильное сжатие.

— Значит, не принимаете?

— Не принимаем. Катись!

— И не нужно! Я и без вас на Северном полюсе сейчас буду. Только не на таком, как ваш, а на всамделишном. А вам — кошкин хвост!

Женя отошла в сторонку, под ворота, достала заветный цветок-семицветик, оторвала синий лепесток, кинула и сказала:

*Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснешься ты земли —
Быть по-моему вели!*

— Вели, чтоб я сейчас же была на Северном полюсе!

Не успела она это сказать, как вдруг, откуда ни возьмись, налетел вихрь, солнце пропало, сделалась страшная ночь, земля закружилась под ногами, как волчок...

Женя, как была — в летнем платье, с голыми ногами, — одна-одинёшенька оказалась на Северном полюсе, а мороз там сто градусов!

— Ай, мамочка, замерзаю! — закричала Женя и стала плакать, но слезы тут же превратились в сосульки и повисли на носу, как на водосточной трубе.

А тем временем из-за льдины вышли семь белых медведей — и прямехонько к девочке, один другого страшней: первый — нервный, второй — злой, третий — в берете, четвертый — потёртый, пятый — помятый, шестой — рябой, седьмой — самый большой!

Не помня себя от страха, Женя схватила обледеневшими пальчиками цветик-семицветик, вы-



рвала зеленый лепесток и закричала что есть мочи:

*Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснешься ты земли —
Быть по-моему вели!*

— Вели, чтоб я сейчас же очутилась опять на нашем дворе!

И в тот же миг очутилась опять во дворе. А мальчики на нее смотрят и смеются:

— Ну, где же твой Северный полюс?

— Я была...

— Мы не видели. Докажи!

— Смотрите — у меня еще висит сосулька.

— Это не сосулька, а кошкин хвост! Что, взяла?

Женя обиделась и решила больше с мальчишками не водиться, а пошла на другой двор водиться с девочками. Пришла, видит — у девочек разные игрушки: у кого коляска, у кого мячик, у кого прыгалки, у кого трехколесный велосипед, а у одной — большая говорящая кукла в кукольной соломенной шляпке и в кукольных калошках.

Взяла Женю досада. Даже глаза от зависти стали желтые, как у козы. «Ну, — думает, — я вам сейчас покажу, у кого игрушки!»

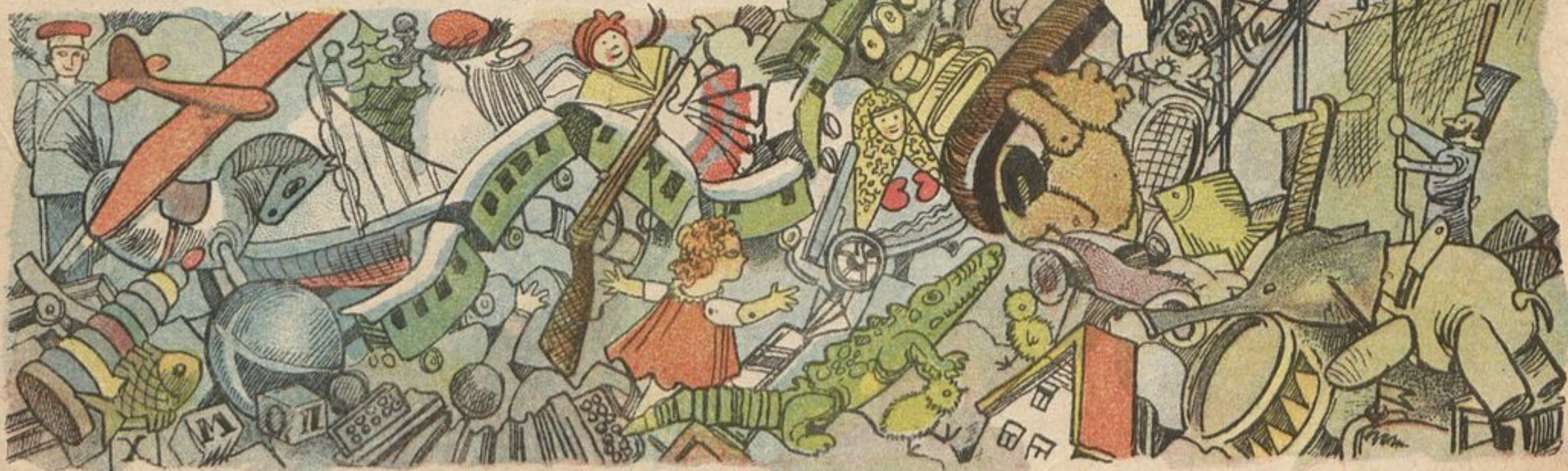
Вынула цветик-семицветик, оторвала оранжевый лепесток, кинула и сказала:

*Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснешься ты земли —
Быть по-моему вели!*

— Вели, чтобы все игрушки, какие есть на свете, были мои!

И в тот же миг, откуда ни возьмись, со всех сторон повалили к Жене игрушки.

Первыми, конечно, прибежали куклы, громко хлопая глазами и пища без передышки «папа-мама», «папа-мама». Женя сначала очень обрадовалась, но кукол оказалось так много, что они сразу наполнили весь двор, переулок, две улицы и половину площади. Невозможно было сделать шагу, чтобы не наступить на куклу. Вокруг ничего не было слышно, кроме кукольной болтовни. Вы представляете себе, какой шум могут поднять пять миллионов говорящих кукол?! А их было никак не меньше. И то это были только московские куклы. А куклы из Ленинграда, Харькова, Киева, Львова и других советских городов еще не успели добежать и галдели, как попугаи, по всем дорогам Советского Союза. Женя даже слегка испугалась. Но это было только начало. За



куклами сами собой покатались мячики, шарики, самокаты, трехколесные велосипеды, тракторы, автомобили, танки, танкетки, пушки... Прыгалки ползли по земле, как ужи, путаясь под ногами и заставляя нервных кукол пищать еще громче. По воздуху летели миллионы игрушечных самолетов, дирижаблей, планеров. С неба, как тюльпаны, сыпались ватные парашютисты, повисая на телефонных проводах и деревьях. Движение в городе остановилось. Поставые милиционеры влезли на фонари и не знали, что им делать.

— Довольно, довольно! — в ужасе закричала Женя, хватаясь за голову. — Будет! Что вы, что вы! Мне совсем не надо столько игрушек. Я пошутила. Я боюсь!..

Но не тут-то было! Игрушки всё валяли и валяли. Кончились советские, начались американские.

Уж весь город был завален до самых крыш игрушками.

Женя по лестнице — игрушки за ней! Женя на балкон — игрушки за ней! Женя на чердак — игрушки за ней! Женя выскочила на крышу, поскорее оторвала фиолетовый лепесток, кинула и быстро сказала:

*Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснешься ты земли —
Быть по-моему вели!*

— Вели, чтобы игрушки поскорей убирались обратно в магазины!

И тотчас все игрушки исчезли.

Посмотрела Женя на свой цветик-семицветик и видит, что остался всего один лепесток. «Вот так штука! Шесть лепестков, оказывается, потратила — и никакого удовольствия. Ну ничего. Вперед буду умнее!»

Пошла она на улицу, идет и думает: «Чего бы мне еще все-таки велеть? Велю-ка я себе, пожалуй, два кило «мишек»... Нет, лучше два кило «прозрачных»... Или нет, лучше сделаю так: велю полкило «мишек», полкило «прозрачных», сто граммов халвы, сто граммов орехов и еще, куда ни шло, одну розовую баранку для Павлика... А что толку? Ну, допустим, все это я велю и съем — и ничего не останется... Нет, велю я себе лучше трехколесный велосипед... Хотя зачем? Ну, покатаюсь, а потом что? Еще, чего доброго, мальчишки отнимут. Пожалуй, и поколотят!.. Нет, лучше я себе велю билет в кино или в цирк. Там все-таки весело... А может быть, велеть лучше новые сандалеты? Тоже не хуже цирка... Хотя, по правде сказать, какой толк в новых сандалетах? Можно велеть что-нибудь еще гораздо лучшее. Главное, не надо торопиться».

Рассуждая таким образом, Женя вдруг увидела превосходного мальчика, который сидел на лавочке у ворот. У него были большие синие глаза, веселые, но смирные. Мальчик был очень симпатичный — сразу видно, что не драчун, — и Же-

не захотелось с ним познакомиться. Девочка без всякого страха подошла к нему так близко, что в каждом его зрачке очень ясно увидела свое лицо с двумя косичками, разложенными по плечам.

— Мальчик, мальчик, как тебя зовут?

— Витя. А тебя как?

— Женя. Давай играть в салки?

— Не могу. Я — хромой.

И Женя увидела его ногу в уродливом башмаке на очень толстой подошве.

— Как жалко! — сказала Женя. — Ты мне очень понравился, и я бы с большим удовольствием побегала с тобой.

— Ты мне тоже очень нравишься, и я бы тоже с большим удовольствием побегал с тобой, но, к сожалению, это невозможно. Ничего не поделаешь! Это на всю жизнь!

— Ах, какие пустяки ты говоришь, мальчик! — воскликнула Женя и вынула из кармана свой заветный цветик-семицветик. — Гляди!

С этими словами девочка бережно оторвала последний, голубой лепесток, на минутку приложила его к глазам, затем разжала пальцы и запела тонким голосом, дрожащим от счастья:

*Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснешься ты земли —
Быть по-моему вели!*

— Вели, чтобы Витя был здоров!

И в ту же минуту мальчик вскочил со скамьи, стал играть с Женей в салки и бегал так хорошо, что девочка не могла его догнать, как ни старалась.



М. Ильин
и Е. Сегал



Рисунки
Л. Захваткина

РАССКАЗ О ТОМ, КАК ЛЮДИ НАВЕЛИ В ЛЕСУ ПОРЯДОК



Вздумали как-то раз люди навести в лесу порядок. А что это значит: навести порядок?

Когда хозяйка приводит в порядок дом, она берется за веник и выметает из комнат бумажки, окурки, хлебные крошки. Потом она вытирает с мебели пыль и ставит на место стулья, которые разбрелись по комнатам. Она успокаивается только тогда, когда все вещи водворены на свои места, пол чисто выметен, все лишнее убрано.

Люди, которым вздумалось навести порядок в лесу, взялись за дело, как усердная хозяйка. Они решили вымести весь лес под метелку и убрать из него все лишнее. А что в лесу лишнее?

Люди рассуждали так. Лес — это деревья. Значит, лишнее в лесу все, кроме деревьев. Кусты и трава — лишние: ведь их корни сосут из земли воду, отнимают ее у деревьев. Опавшие листья, бурелом, валежник — лишние: ведь они только засоряют лес.

Вот люди и принялись лес расчищать, убирать и подметать. Первым делом они собрали в кучи и сожгли все гниющие листья, все сухие ветки и сучья. Потом взялись за кусты. Плохо тут пришлось боярышнику, крушине, бересклету, которые росли у подножия деревьев. Начисто вырубил их и спалили люди.

Просторно и чисто стало в лесу, как в доме перед праздником после большой уборки. Где деревья были вырублены, там люди новые посадили и не как попало, а правильными рядами.

Стоят деревья в лесу, словно стулья у стен. На земле нет ни соринки. Люди ходят и любят. Вот теперь, думают, будет в лесу порядок.

Прошел год, второй, третий. Стали люди замечать, что в лесу что-то неладно. У сосен верхушки поредели.

На дубах, на липах листва сделалась редкая, сквозная. Куда ни помотришь — везде сухостой, везде торчат, словно метлы, высохшие, голые деревья. Поперек тропинок лежат, как мертвые тела после боя, поваленные бурей стволы. До осени еще далеко, а земля уже покрыта желтыми листьями. Давно ли в лесу люди порядок навели, а в нем опять беспорядок, да еще хуже прежнего.

Призадумались люди: «Что же тут такое случилось? Отчего в лесу деревья стали сохнуть? Мы ли их не берегли, мы ли не ухаживали за ними!»

А случилось в лесу вот что. Когда принялись люди подметать лес, вымести они и то, что следовало, и то, что не следовало. Мертвые сучья, валежник, сухостой убрать нужно было. А вот кусты вырубать было незачем. Люди думали: главное в лесу — деревья, а кусты лесу совсем не нужны. А на поверку вышло, что без кустов и деревьям стало плохо. Когда вырубил кусты, стали сохнуть деревья.

Но при чем тут кусты?

А вот при чем.

Лес — это не просто лес, это город с тысячами жителей. Дома в этом городе — норы и гнезда. Жители — звери и птицы. Одни птицы строят свои дома на деревьях, другие — в подлеске, в кустах. И таких птиц, которые живут в кустах, очень много.

Увидеть этих лесных жителей не так-то легко. Не успеешь заметить птицу, как она уже юркнула в середину куста. Зато слышно ее на весь лес. У каждой своя песенка, по которой сразу можно узнать, как ее зовут.

И вот, когда люди вырубил кусты, улетели в другие леса оставшиеся без приюта славки, крапивницы, ореховки,



синицы, горихвостки. Тише, скучнее стало без них в лесу. Но это еще победы. Можно ведь и без птичьего пенья жить. Хуже стало другое: когда вырубали кусты, меньше в лесу стало птиц, вот деревья и стали сохнуть оттого, что птиц мало.

Но при чем же тут птицы?

А вот при чем.

Птицы в лесу не сидят на ветках без дела. С утра до ночи обшаривают они стволы, ветки и листья, по-своему наводят в лесу порядок. Как завидят жука или гусеницу, сразу хватают в клюв и несут птенцам, в гнездо. А птенцы — народ крикливый, прожорливый. Растут они быстро, и еды им нужно много — только успевай подносить.

Каждый день тысячами истребляли птицы жуков и гусениц. А когда улетели птицы, стало жукам и гусеницам привольно, развелось их видимо-невидимо.

Вот деревья и начали сохнуть оттого, что жуков и гусениц развелось слишком много.

Но при чем же тут жуки и гусеницы?

А вот при чем.

Для жуков и гусениц лес — это накрытый стол. Одни хвою едят, другие листья обглаживают, третьи корешки грызут.

Если их во-время от стола не оттащить, съедят они все, что на столе, да и самый стол.

Развелось их много в лесу, и напали они на деревья целыми полчищами.

Первыми набросились на деревья гусеницы — объели листья, обгрызли корни. А разве дерево может жить без листьев, без корней? Листьями оно свет и воздух ловит, корнями воду сосет. Стали деревья сохнуть без света и воздуха, слабеть от жажды и голода. А у слабого всегда врагов больше, чем у сильного. Как только стали деревья слабеть, появились у них новые враги — жуки короеды.

Забрались жуки короеды под кору, принялись выгрызать под корой длинные извилистые ходы. Грызут жуки дерево, опилки на спине, как на тачке, выносят.

Если бы дерево было сильное, здоровое, оно живо справилось бы с жуками короедами. Оно затопило бы их, залило под корой клейким, тяжелым соком. Но ведь дерево-то уж было не такое, как прежде, до нашего гусениц. Высохло оно от жажды, от голода, соков в нем меньше осталось. И помочь дереву некому: ведь птицы-то улетели.

А тем временем жуки короеды делают свое дело — грызут. И вот уже сомкнулись под корой ходы, опоясали кольцом дерево. Тут уж дереву конец: отрезали жуки короеды листву от корней, не пройти больше под корой живому, целебному соку.

Облетели на дереве листья. Стоит оно в лесу, не падает, но уже не живое, а мертвое.

Но и мертвого не оставляют враги в покое. Вслед за жуками короедами приходят жуки усачи. Усы у них длинные, длиннее всего тела. Глубоко забираются усачи в самую древесину, всю ее пронизывают червоточинами.

Так жуки и гусеницы губят дерево.

В несколько лет погубили они чуть ли не половину деревьев в лесу.

Отчего же они их погубили?

Оттого, что из лесу птицы улетели.

А отчего птицы улетели?

Оттого, что люди кусты вырубали.

А отчего люди кусты вырубали?

Оттого, что они из-за деревьев леса не видели.

Люди думали, что лес — это одни только деревья. А лес — это и деревья, и кусты, и птицы, и жуки, и гусеницы.

Все растения и животные в лесу словно в одну общую игру играют. И надо было знать правила этой игры, прежде чем наводить в лесу порядок.

Попробовали люди бороться с жуками и гусеницами: обмазали стволы клеем, чтобы гусеницы к клею прилипали; опрыскали стволы и хвою ядовитой жидкостью. Да только поздно люди спохватились — слишком много развелось жуков и гусениц. Трудно было всех их извести.

Подумали люди и решили пойти на поклон к птицам, позвать их на помощь. Построили для птиц домики, вроде скворещен: для синиц закрытые, для мухоловок, горихвосток открытые, с навесом, вроде летней дачи. Насыпали около домиков зерен:

— Милости просим, дорогие гости, прилетайте!

Стали птицы понемногу в лес возвращаться. Да разве на всех напасешь домов!

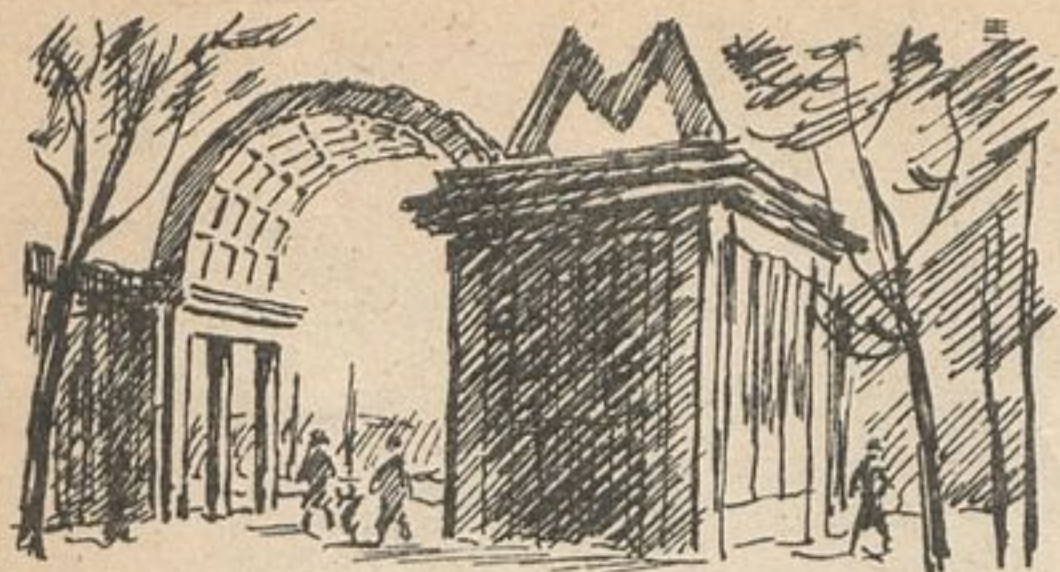
Догадались тут люди:

— А не проще ли будет, если птицы будут сами для себя гнезда вить?

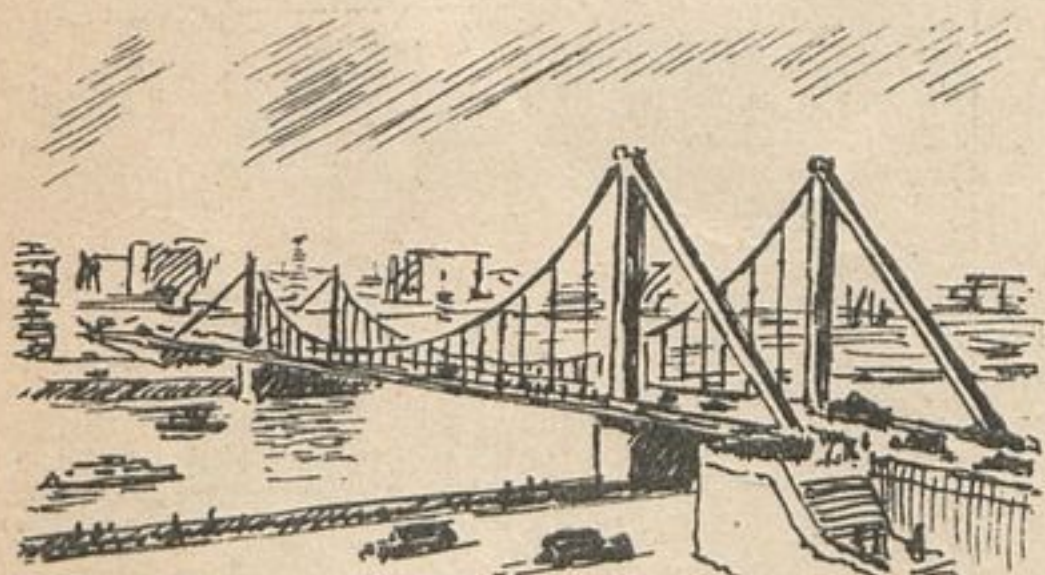
Вот тогда-то и пришлось людям пожалеть, что они кусты вырубали. Сколько в кустах было птиц! Не вырубали бы кустов, не улетели бы птицы.

И кончилось дело тем, что люди снова насадили в лесу кусты.

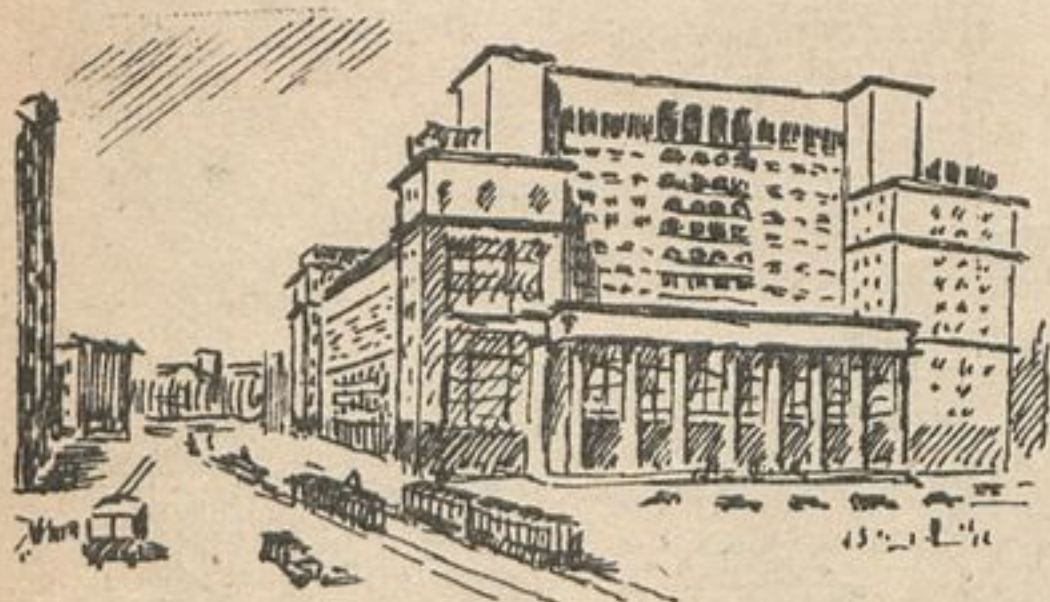




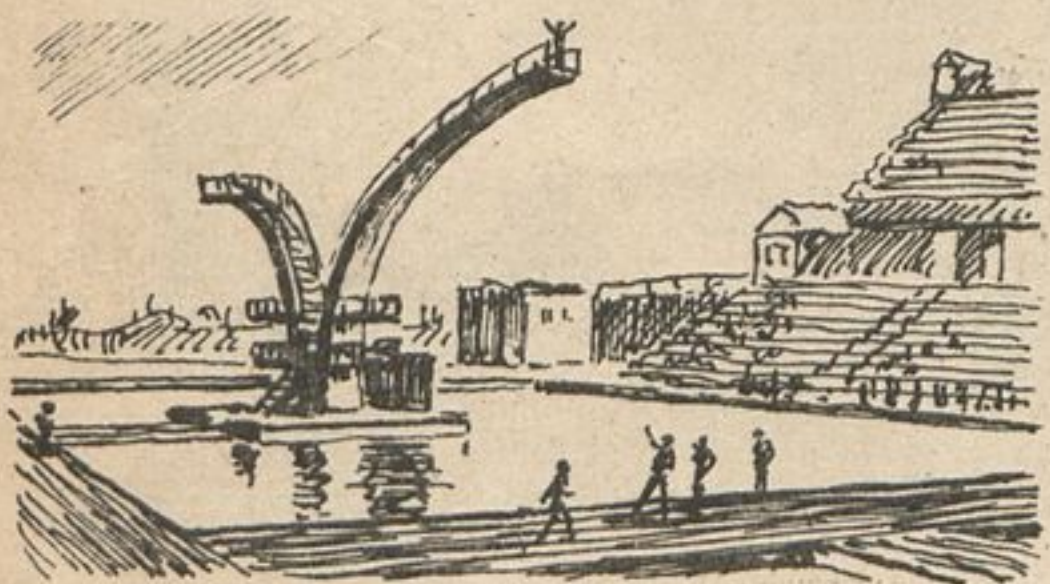
Станция метро «Дворец Советов».



Крымский мост.



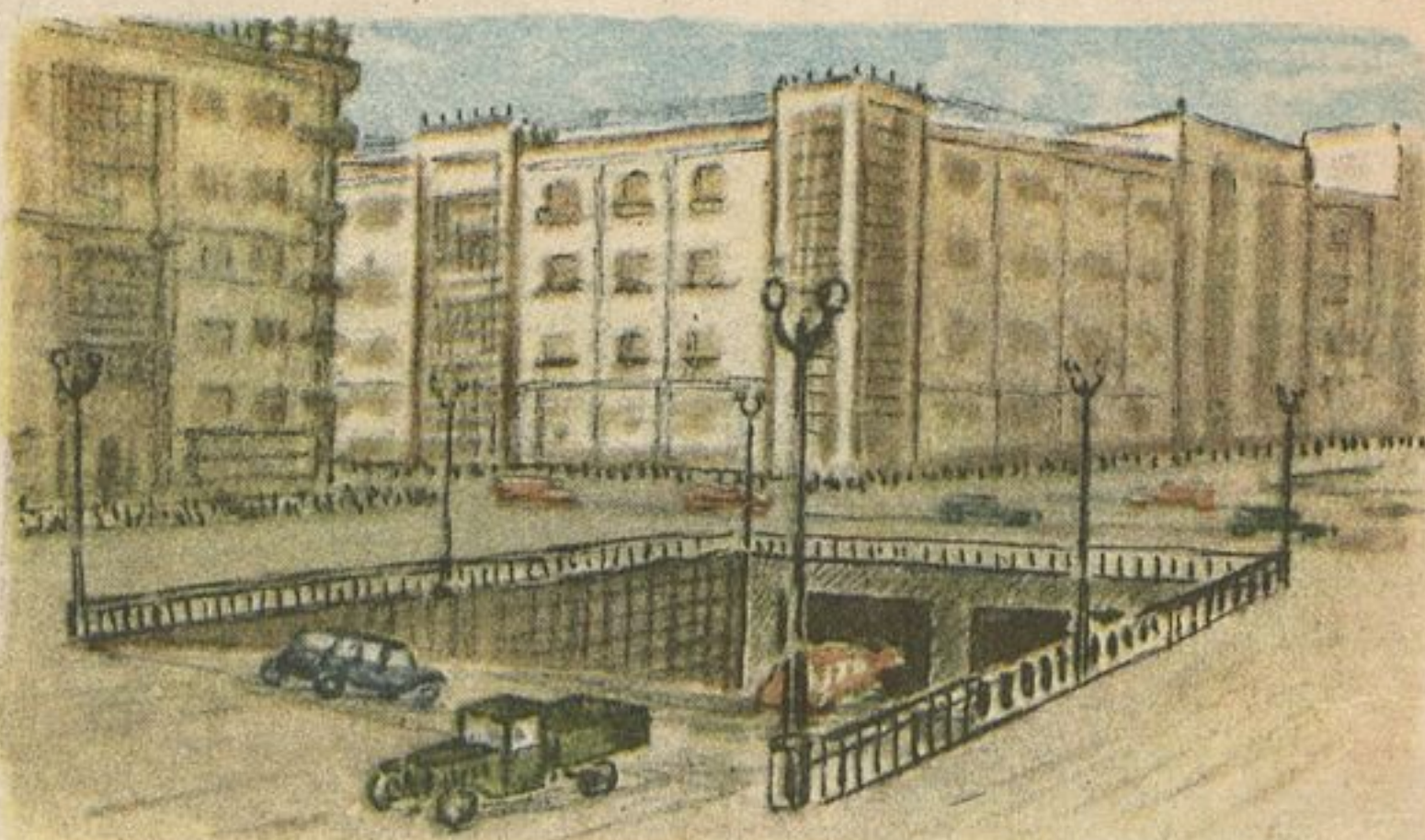
Гостиница «Москва».



Водный стадион «Динамо».



КРЕМЛЬ СО СТОРОНЫ



Таким будет тоннель для автомобилей.

После Великого Октября хозяином Москвы стал трудовой народ. И новому хозяину стало тесно в старой Москве. Ему не хватало жилья, воды, электричества, театров, библиотек, университетов. Древний город надо было переделывать немедленно, решительно и смело. Над планом перестройки Москвы работал великий Сталин. Под его руководством был составлен план будущего города.

И вот в Москве с невиданной быстротой стали появляться новые улицы, новые набе-

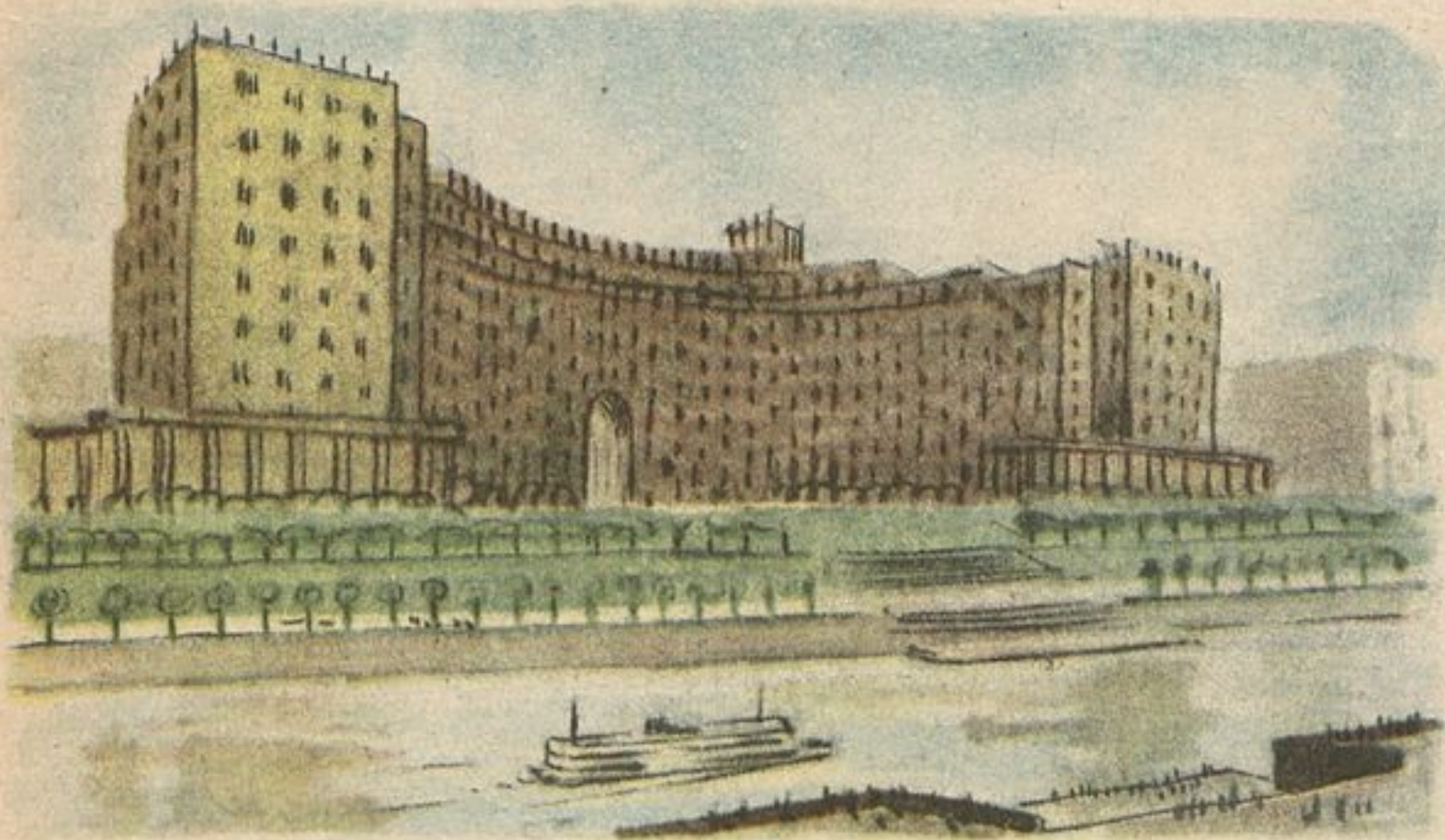
режные, мосты, подземные тоннели метрополитена.

Еще совсем недавно в центре Москвы стояла полуразвалившаяся стена Китай-города. Подле нее примостились лавочки, сараи, ларьки. В них когда-то торговали купцы. Стена Китай-города мешала уличному движению, портила вид города.

Большевики решили снести эту стену. Работы шли круглые сутки. По ночам лучи

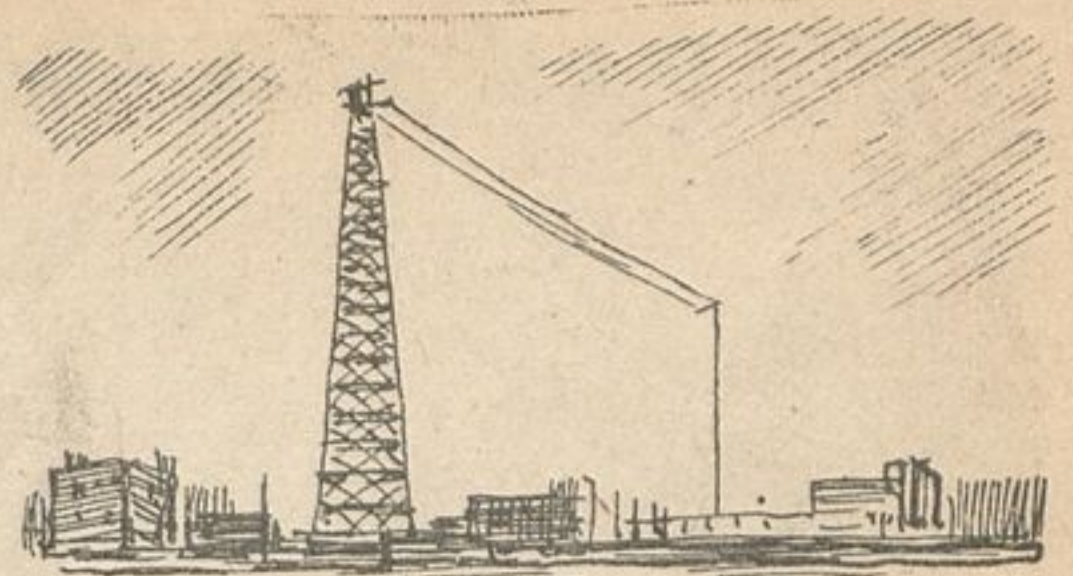


ОНЫ МОСКВА-РЕКИ.



Такой дом построят на Ростовской набережной Москва-реки.

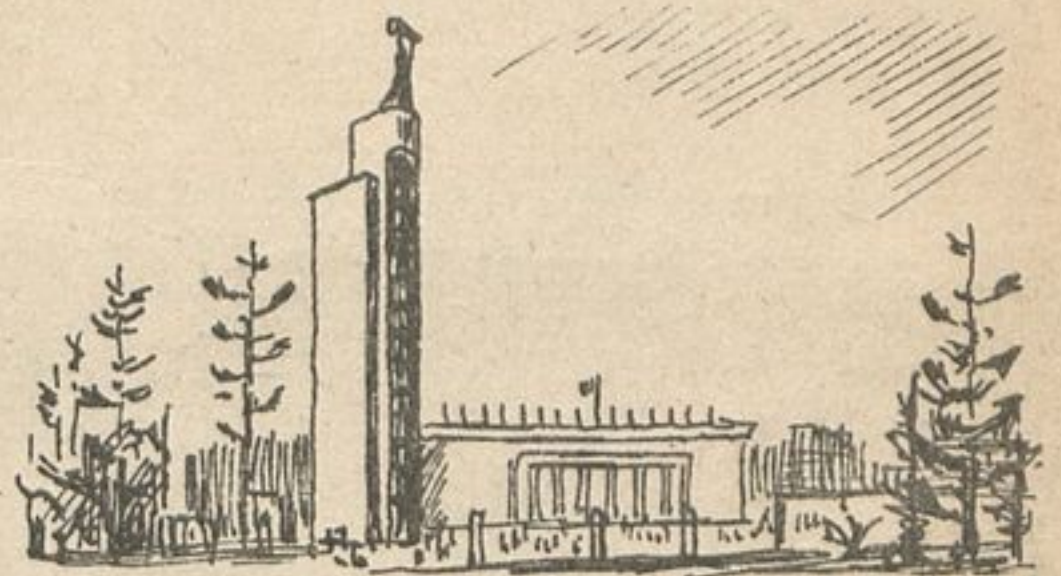
прожекторов освещали колонны грузовиков и стальные ковши экскаваторов. Старая стена рушилась и исчезала на глазах. За экскаваторами и грузовиками шли тяжелые катки. И в несколько дней на месте старой стены, над подвалами лавчонок и складов, лег просторный асфальтовый проспект. На новом проспекте стоят здания Центрального и Московского комитетов партии. Аллея тенистых лип тянется вдоль широких тротуаров,



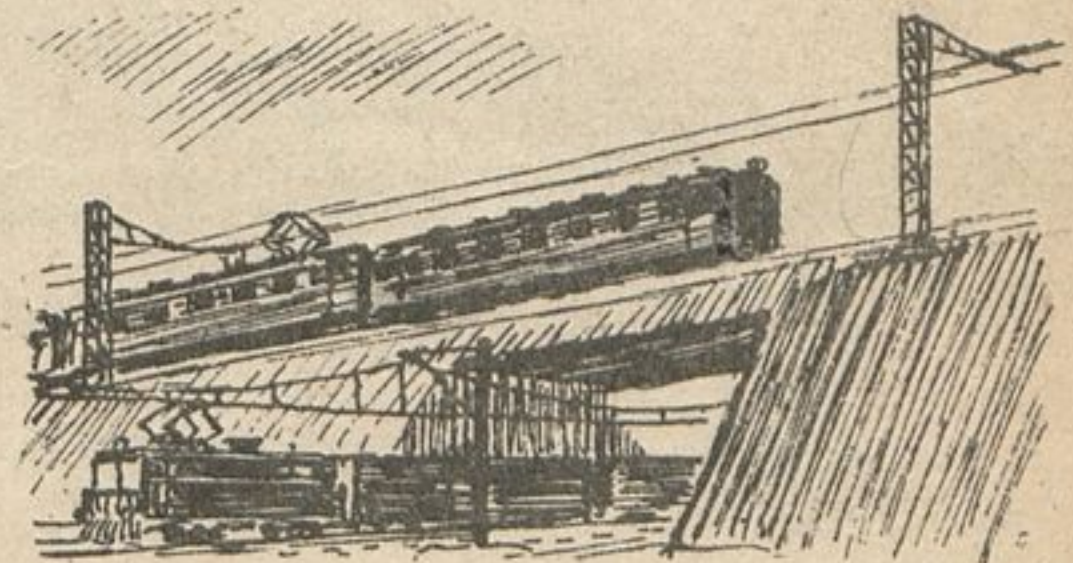
Радиостанция имени Коминтерна.



Речной вокзал в Химках на канале Москва — Волга.



Всесоюзная сельскохозяйственная выставка.



Пригородный электропоезд.

и гранитная лестница полого спускается к площади Ногина.

По приказу большевиков, волжские воды текут вдоль красивых гранитных берегов Москва-реки. Гигантские мосты висят над водой. По обновленной реке гордо плывет флагман нового флота — белоснежный теплоход „Иосиф Сталин“. А над рекой, над мостами, над помолодевшей Москвой на древних кремлевских башнях ярко сияют рубиновые звезды — звезды коммунизма.

СТАРАЯ МОСКВА

П. Лопатин



Таким был московский Кремль шестьсот лет назад.



Каменный мост через Москва-реку сто пятьдесят лет назад.



Вид на Кремль со стороны Замоскворечья восемьдесят лет назад.

Восемь столетий назад на высоком берегу Москва-реки, на дороге из Суздаля в Киевскую землю, русский князь Юрий Долгорукий построил себе маленькую усадьбу и огородил ее деревянным частоколом. Так родилась Москва. Стояла она на границе Суздальского княжества среди болот и лесов. Но по широкой, многоводной Москва-реке плыли торговые суда. У стен молодой Москвы купцы менялись товарами. И все чаще слышался стук топоров в окрестных лесах: это новые переселенцы приходили сюда с окраин Руси сносить лес, возделывать московскую землю. Москва богата, ширилась, накапливала силу. Под московскими знаменами русский народ не раз побеждал своих врагов. И Москва — маленькая, незаметная деревянная усадьба, крепость на глухом речном берегу — стала столицей большого государства.

Прошли века. По воле императора Петра, столица России была перенесена в Петербург. В Москве остались жить богатые, праздные дворяне. На своих усадьбах, среди тенистых садов, они строили себе просторные особняки, доупаду танцевали на балах и маскарадах, задавали роскошные пиры, удивляли народ нелепыми чудачествами. Один вельможа выезжал гулять по Москве в карете из кованого серебра. Другой заставлял тащить себя по летней мостовой в санях, запряженных восьмеркой лошадей. Третий угощал гостей соусом из селедочных жабер, а на тарелку такой закуски шли жабры тысячи селедок. В каждой дворянской усадьбе всю работу выполняли крепостные. Так жили в дворянских усадьбах. А в одноэтажных домиках жили мещане, чиновники, мастера. Во дворах, у колодцев с огромными «журавлями», по вечерам собирались женщины. А летом по утрам на окраинных улицах Москвы появлялся пастух с рожком, громко щелкал длинным кнутом, и хозяйки выгоняли из дворов коз, коров, овец. Большой деревней была старая, дворянская Москва.

В конце прошлого века хозяином Москвы стал купец, фабрикант, промышленник-капиталист. Город вырос вверх и вширь. Но Москва попрежнему оставалась большой деревней. В центре города рядом с прекрасными особняками стояли безобразные купеческие лабазы. Между большими каменными зданиями скромно прятался ветхий деревянный домишко. Центральные площади, улицы и переулки покрывали булыжником. На рабочих окраинах улицы были немощеные. В сухие летние дни там носились тучи пыли, а после дождя стояла непролазная грязь. У большинства московских рабочих не было своего жилья. Они ютились в коечно-каморочных квартирах. Здесь койка не всегда принадлежала одному. Обычно коечному жильцу «подкладывали» второго. Один спал днем, второй — ночью. И постель не остывала круглые сутки. А рядом стояли дома с пустующими квартирами: у москвичей не было денег, чтобы заплатить подчас даже за угол.

Так жили в купеческой Москве перед Великим Октябрем.



А. Трофимова

*Рисунок
Б. Винокурова*

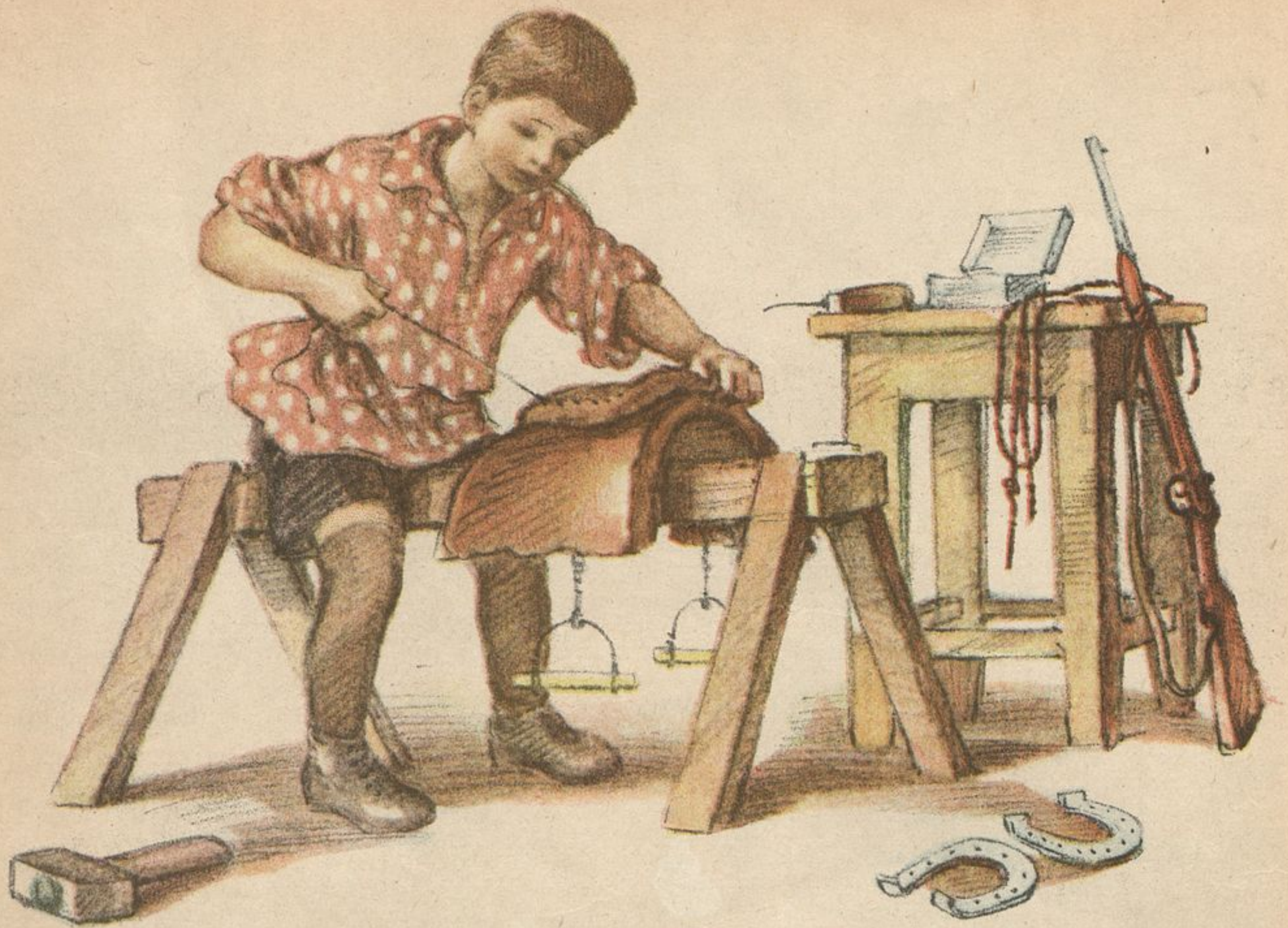
НА ЗАРЕ

Туман колышется и тает...
Деревня вынырнула вдруг,
И где-то, запертый в сарае,
От всей души запел петух.

Над хатой вьется дым густой —
Там кто-то встал и топил печку.
Заря полоской золотой
Легла на взмыленную речку.

Чернеет мокрый, тучный луг,
В ложбинах снег еще сверкает.
Зарю встречать бежит петух,
Освобожденный из сарая.

И я встаю, зарей разбужен,
Хватаю лесу с поплавком
И с камышиною по лужам
Бегу за нашим петухом.



Лев Квитко
Перевод Е. Благиной

ПРО КОНЯ, ПРО ЕГО СЕДЛО, ПОДКОВЫ И УЗДЕЧКУ

Шел я по ягоды,
Шел, ну и шел —
Железа кусок
На дороге нашел.
Над этим железом
Я долго мудрил:
Я это железо
И чистил, и резал,
Ковал — и подковы
Коню смастерил.
Теперь у моего коня есть подковы!
Шел я купаться,
Шел, ну и шел —
И кожи кусок

На дороге нашел.
Над этой кожей
Я тоже мудрил:
Я мыл ее с мылом,
Прокалывал шилом,
Сшивал — и седло
Скакуну смастерил.
Теперь у моего коня есть седло!
Шел я гулять,
Просто шел, ну и шел —
И шелковый шнур
На дороге нашел.
Над этим шнуром
Я недолго мудрил:



Рисунок А. Брея

Потрогал руками,
Связал узелками —
И мигом уздечку
Коню смастерил.
Теперь у моего коня есть уздечка!
Подковы-то есть,
Уздечка-то есть,
Седло тоже есть,
Буденновец с шашкой,
Конечно, уж есть.
Теперь бы на лошадь буденновцу сесть!
Да нету ее... А вы думали — есть?
Как будто бы все
Собралось наконец:

Седло, и уздечка,
И штык, и боец,
Но нету того,
Что дороже всего, —
Подумайте, нету
Коня у него!

Откуда возьмет он,
Скажите, коня?
Постойте, ведь это же
Все про меня!
Так дайте мне, дайте
Скорее коня!



Л. Парийская

Рисунки Е. Афанасьевой

В ПЕЩЕРАХ

Володя Платонов приехал в поселок уже весной и поступил в наш класс. Каждый день на перемене около Володи собирались ребята, и он рассказывал им всякие страшные истории и приключения, которые с ним случились, а ребята ходили за ним и слушали.

Один раз, на последней перемене, мы сидели на школьном крыльце. Тепло было, солнце. Володя рассказывал, как он ходил по каким-то пещерам и видел подземные речки и колодцы без дна.

— А у нас тоже есть пещера, — сказал я.

И стал рассказывать ребятам, как осенью мы пошли с отцом ловить рыбу и он показал мне на крутом берегу в кустах яму. Это был вход в пещеру — в заброшенную каменоломню. Там давно-давно, еще при царе Иване Грозном, добывали из-под земли камень и прорыли во все стороны ходы, такие длинные и такие путаные, что ни один человек не знает, где они кончаются.

Потом был звонок. Володя сидел на уроке и ничего не слушал — все о чем-то думал. А когда мы пошли домой, он оглянулся и зашептал мне на ухо:

— Полезем в эту пещеру, а? Только чтобы до самого конца дойти и чтобы никому ни одного слова... Я буду командир — я знаю, как по пещерам ходить. Вот уж я тогда Федьке Рябцову покажу!

А у нас в классе был такой мальчишка — Федя Рябцов. Он совсем Володе не верил и всегда смеялся над ним. А Володя, и правда, и в Крыму и на Кавказе был.

Я согласился, и Володя сказал мне, что надо купить свечи и бечевку — тонкую такую веревку. Ее нужно привязать у входа в пещеру и все идти вперед и разматывать, а как пойдешь назад, так всё сматывать, и тогда никогда не заблудишься.

И мы решили копить на это деньги. Я сказал, что нужно взять кого-нибудь третьего, тогда мы скорее накопим денег... Хотя бы Настю с нашего двора.

Володя заморщился:

— Ну ее, она еще хныкать будет!

А я сказал:

— Нет, она не будет! Она только тихоня. Я ее знаю! Я ее десять лет знаю. Сначала я родился, а через день — она.

Мы копили деньги целый месяц, и вот наконец однажды рано-рано утром я выскочил из окошка в сад. Там меня ждали Настя и Володя. Мы отрыли закопанные в землю свечи и веревку и побежали на реку.

Солнце только всходило, все еще спали. Мы долго лазили по горе и искали яму. Я никак не мог узнать то место, где был вход в пещеру, — все так изменилось с осени. Тогда кусты были голые, а теперь все разрослось: черемуха цвела, везде росла высокая трава.

Настя нашла яму в самой чаще кустов. Яма была узкая, как волчья нора, и из нее несло сыростью и холодом.

Володя построил нас в ряд — сначала меня, потом Настю — и скомандовал:

— Смирно, товарищи, бесстрашные бойцы! Мы идем в трудную разведку. Только железная дисциплина может нам помочь. Исполняйте мои приказания! — Потом он сказал: — Вольно! — и мы стали зажигать свечи.

Мы очень долго их зажигали, потому что было ветрено.

Потом Володя взял веревку и полез первым. Я долго ждал, когда же он начнет привязывать веревку, а он, наверное, позабыл это сделать.

Я ему крикнул вниз:

— Ну что же ты? Привязывай веревку!

Володя закричал со злостью:

— А ты что командуешь?! Разве это игра? Кто командир: ты или я? Когда надо будет, тогда и завяжу!

Я замолчал и полез за Настей в яму, ногами вперед. Сразу стало холодно и сыро. Ноги у меня поехали куда-то вниз, между грязными мокрыми камнями. Сверху сочилась вода. Я цеплялся руками за скользкие стенки и боялся скатиться на голову Насте. Вдруг узкий ход кончился и вышел в большой зал.

Мы остановились и стали оглядываться.

Наши свечи чуть освещали середину пещеры. Кругом, во все стороны, чернели низкие ходы.

Я дотронулся до стены: она была покрыта толстым слоем серой пыли, такой легкой, как зола в печке. Кругом стояла странная, удивительная тишина... Как будто все умерло.

Я сказал Насте тихонько на ухо:

— Если крикнуть, вот будет громко!

Настя оглянулась и прошептала:

— А ты крикни...

Я крикнул сразу изо всей силы и еще не успел кончить, а звука уже не было. Как будто я кричал в какую-то огромную подушку. Я подумал, что, наверное, это толстая пыль вбирает в себя всякий звук, как мягкая вата.

Володя вскочил — он привязывал веревку к большому камню, — оглянулся быстро и зашипел:

— Вы что, с ума сошли? Смирно, говорю!

Мы с Настей замолчали, а Володя поднял свечу над головой и пошел большими шагами в высокий прямой коридор. Мы шли за Володей очень долго. Во все стороны — вправо и влево, вверх и вниз — уходили боковые узкие ходы. А поперек них, у самого начала, не знаю кем — наверно, очень давно — были выложены рядом маленькие камушки. Они как будто говорили: „Сюда хода нет“. И везде — на камнях, и на стенах, и под ногами — густым слоем лежала мягкая серая пыль.

Мне очень хотелось посмотреть, что это там, за этими камушками, но Володя торопливо шел все вперед, и я молчал.

Вдруг коридор кончился, и мы попали в небольшой, очень высокий зал. По стене, в глубокой борозде, сочилась прозрачная вода. Я подставил руку и стал пить, Володя и Настя — тоже. Потом мы стояли и слушали, как кругом тихо; только вода журчала чуть слышно.

Я подумал: „Сколько времени мы ходим?“

Свечи догорали. Володя достал из-за пазухи новые и роздал нам. Больше у нас свечей не было. Володя пробормотал:

— Назад скорее пойдём...

Мы полезли дальше в узенький проход. Он был совсем низкий. Мы, нагибаясь, долго пробирались между старыми деревянными подпорками. Настя нечаянно задела плечом столб — и вдруг он рассыпался в мельчайшую пыль, как будто его и не было.

Настя отскочила. Мы остановились.

— А вдруг обвалится? — прошептала Настя.

Мы посмотрели вверх. Я осторожно дотронулся до потолка. С него повалились холодные камушки. Настя прижалась ко мне плечом, и я почувствовал, как она вся дрожит. И мне вдруг стало как-то скучно и захотелось, чтобы было солнце и тепло и не было этой тишины и старых столбов, которые рассыпаются.

Володя вдруг круто завернул в маленький боковой ход, заваленный камнями. И мы — скорее за ним. Я обрадовался: вот когда будет конец! Мы полезли вверх по огромным пыльным камням; под потолком чернела узкая щель. Володя вытянул руку и посветил свечой: впереди опять тянулся ровный и прямой коридор, конца ему не было...

Мы лежали на камнях и молчали.

Где-то капля за каплей стекала вода — кап-кап-кап...

Вдруг над нашими головами затрепыхалось что-то серенькое, живое, задело меня по щеке, пискнуло тоненько и противно, как будто иголкой кольнуло, и исчезло в темноте.



Я сразу понял, что это летучая мышь. А Настя испугалась и схватилась за меня руками.

Я сказал:

— Настя, да ведь это летучая мышь!

Вдруг Володя толкнул меня в спину и быстро-быстро пополз вниз. Моя свеча осветила его лицо, и я вдруг увидел, что он боится, страшно боится! Я крикнул ему:

— Ты куда?!

Володя ничего не ответил, а изо всей силы дергал назад веревку, которая запуталась в камнях. Тогда он бросил веревку и побежал куда-то вбок, как слепой.

Я догнал его и схватил за рубашку:

— Не смей бежать, заблудишься!

А Настя уцепилась за меня. Она была бледная, глаза у нее бегали, губы тряслись.

Я закричал на них:

— Да вы что, с ума сошли?!

Я зажег свою свечу, распутал веревку и пошел по веревке назад, а Настя и Володя — за мной по пятам. Мы шли не оглядываясь и так быстро, чтобы только не гасли свечи. Мы шли через низкий проход с деревянными подпорками, через большой высокий зал, по прямому коридору и скоро вышли в большую пещеру. Веревка кончилась. Я остановился. Настя наткнулась на меня и сказала нетерпеливо:

— Ну?

Я обернулся и увидел, что у нее глаза блестят: наверное, от радости, что скоро выйдем. А я сказал со злостью:

— Что „ну“?

Я не знал, куда идти дальше. Ходов везде было много, а который из них наш? Я посмотрел на Володю. Он отвернулся. Настя опустила глаза и уселась на большой камень, и Володяна расселся рядом, как будто не он был виноват. Я поглядел на него со злостью: „Ух ты, командир! Почему не привязал веревку у самого входа? Уж давно бы вылезли, а там, наверно, солнце, тепло...“ и полез в самый первый, ближний к нам ход. Ход пошел сначала вверх, потом круто завернул и стал медленно спускаться. Я подумал: „Куда же это?“ И вдруг увидел два огонька... и Настю и Володю! Они испуганно смотрели на меня. Оказывается, и этот ход привел меня в тот же зал.

Я схватил веревку и полез с ней в другой ход. Ход крутил вправо и влево. Вверх и вниз от него шли маленькие узкие ходы, но я не мог в них пролезть — не пролезали плечи. Я хотел идти назад. Вдруг ход повернул, стал просторнее. Я спустился по ступенькам вниз — и увидел маленькие огоньки и Настю и Володю на камне. Я опять вышел в ту же пещеру, в другой конец!

От страха мне стало жарко. От свечи остался маленький кусочек — скоро будет темно! Я себе говорил: „Ведь раз мы пришли сюда сверху, значит есть правильный ход! Нужно идти во все ходы по очереди — и я найду выход!“

Я бросил веревку и полез в третий ход. Он был страшно узкий. Я протискивался куда-то вверх по грязным камням, ощупывал все стенки. И вдруг у меня под рукой рассыпалось какое-то бревно. Я отдернул руку, потом осветил свечой и увидел рядом старый-старый сруб колодца. Из-под руки у меня сорвался камушек и хлюпнул куда-то в воду.

Я лежал на мокрых камнях, весь в грязи. Свеча расплывалась у меня в руке, на голову капала холодная вода. Я все думал про Володю: „Ведь он знал, знал, что нужно было привязать веревку у самого входа в пещеру! Он только меня не хотел послушаться!“

Я вылез ползком назад, и свеча у меня потухла. Я выдернул у Володи из руки свечу — они сидели вместе с Настей, как каменные, только зубы у них стучали — и полез в четвертый, самый дальний ход. Он был гораздо шире и просторнее. Я быстро полез прямо вверх. У меня сердце застучало. Я только подумал: „Неужели нашел?“ И вдруг мне в лицо пахнул теплый воздух. Я скорее затушил свечу: сверху шел голубоватый свет.

Я закричал:

— Ребята, сюда!

Володя с Настей бросились за мной. Мы быстро друг за другом вскарабкались по мокрым, скользким камням и зажмурились от яркого неба.

Было тепло, пахло черемухой, внизу блестела на солнце река...

А на другой день из сельсовета пришли рабочие и завалили ход в пещеру камнями.



ИГРЫ и забавы

ПРОВОДИМ НОВУЮ ЛИНИЮ



Проволоку длинную
На сарай закину я,
Плоскогубцами согну
И к воротам протяну.
Вот и все готово:
На цепочке новой
От сарая до ворот,
Как троллейбус, пес идет!

Н. Артюхова

ЗАГАДКИ

На бору, на юру стоит
мужичок, красный колпачок.

Маленький Афанасий трав-
кой подпоясан.

Сидит дядя Пахом на ко-
не верхом.

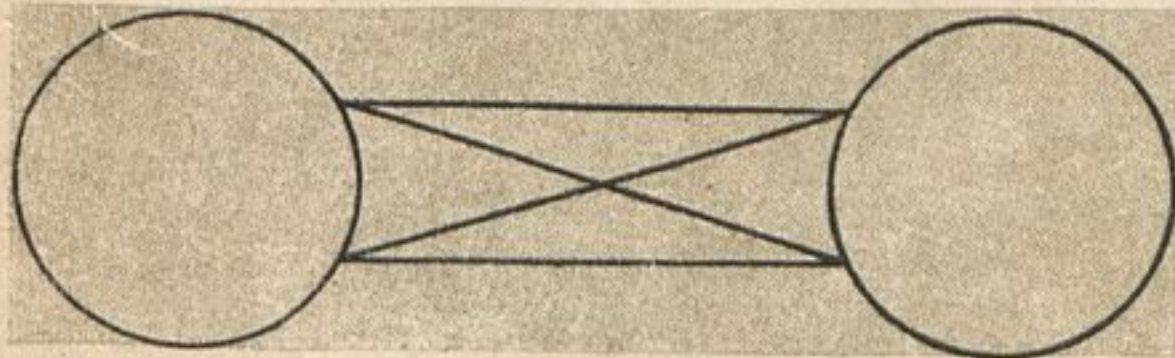
Молод был — молодцом гля-
дел; под старость устал,
меркнуть стал; новый ро-
дится — опять развеселится.

С крыльями, да не летает,
и без ног, да не догонишь.

На одной ножке прыгает,
кружится, песенку поет, по-
ка не упадет.

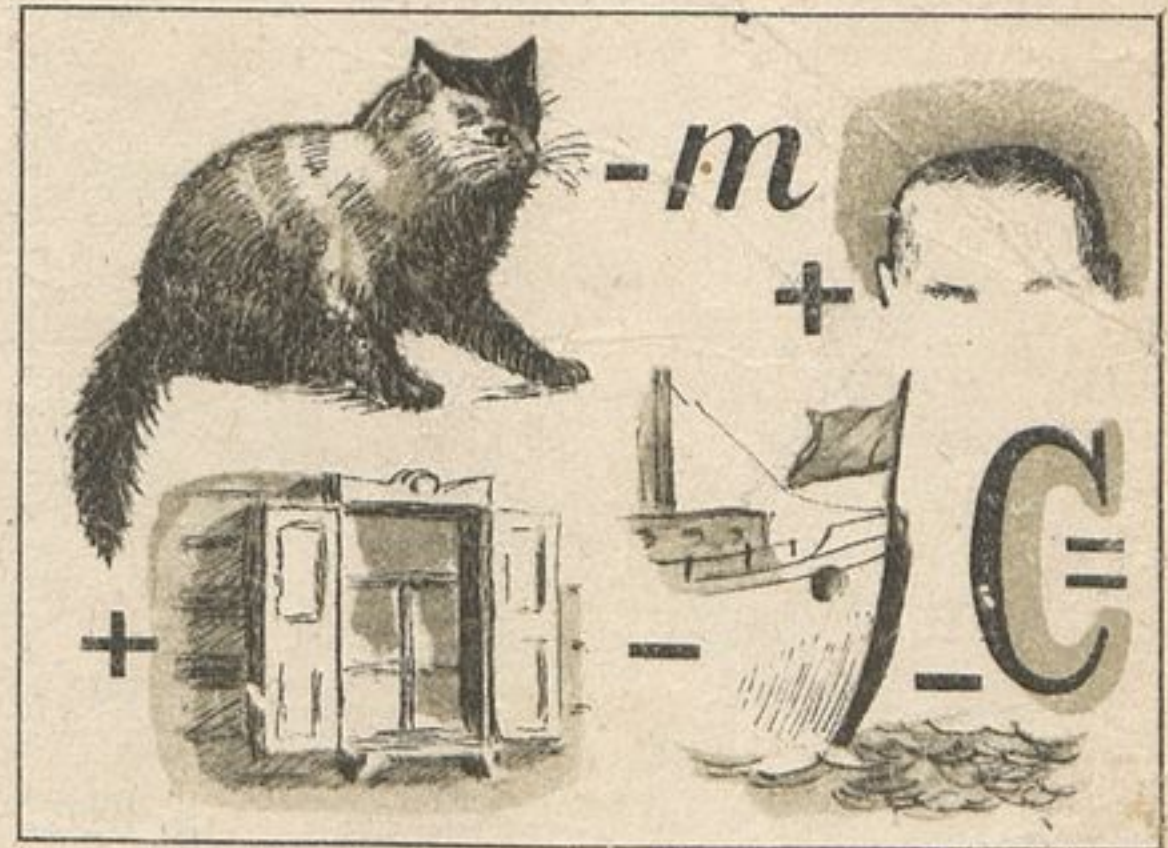
Ляжет — ниже кота, прыг-
нет — выше коня.

Ребята! Ответы на эти за-
гадки найдете в этом рисунке.



Нарисуйте одним росчерком пера эту фи-
гуру, нигде не проводя дважды одну и ту же
линию.

РЕБУС

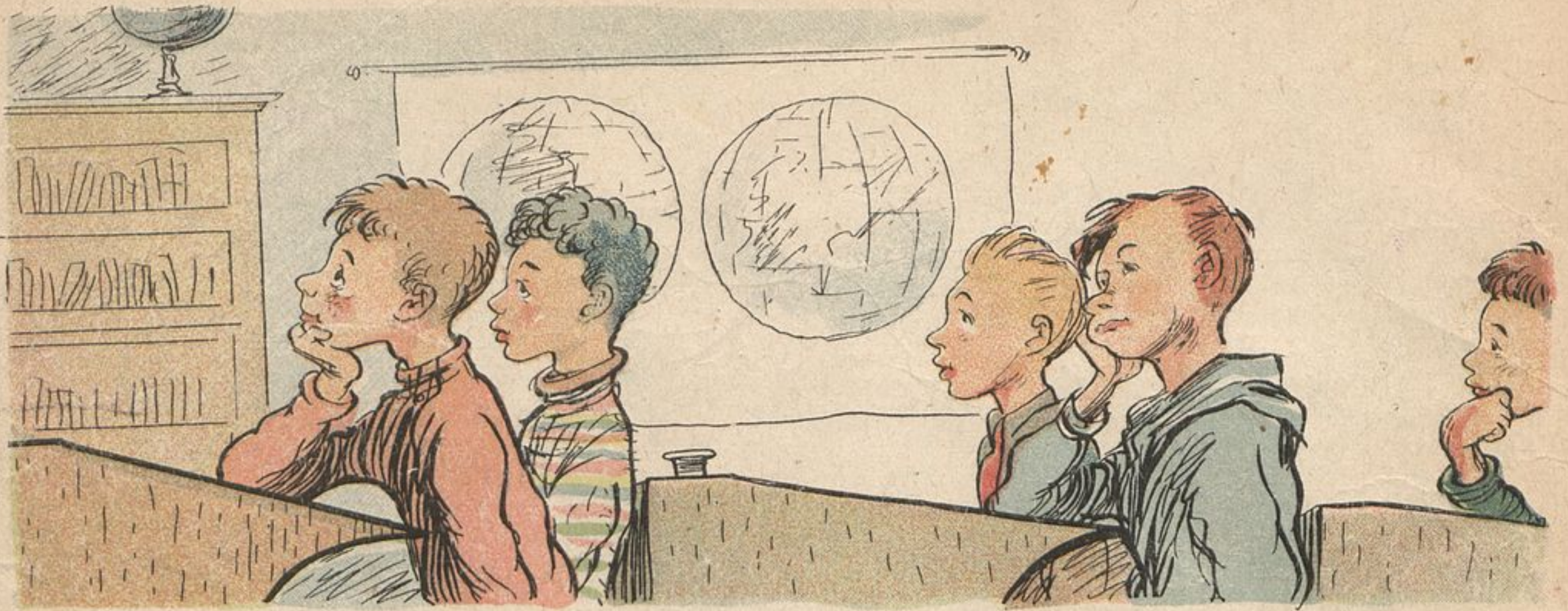


Сложи и вычти —
получишь название народной сказки.

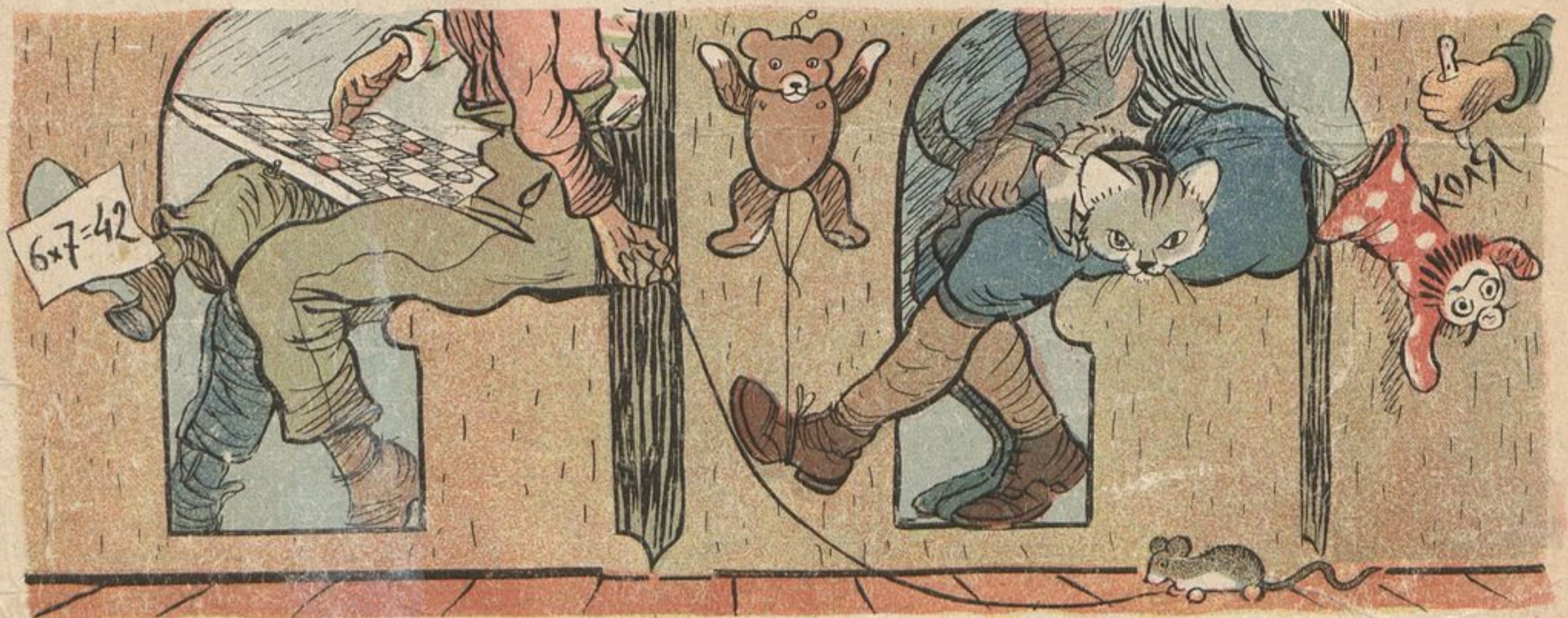
ЗАДАЧА БУКВ

Четыре птички на дереве. Узнайте их на-
звания, переставляя рассыпанные буквы по
краям квадрата.

Б	И	Л	З	Я	К	И					
Е						Л					
Н						Р					
С						И					
Г						Б					
Р						К					
И						О					
Ь						А	Ц	И	С	И	Н



Погляди на эти лица!



Рисунки И. Кеша

А под партой что творится?

Рукописи не возвращаются

Адрес редакции: Москва, Чертольский пер., 4. Тел. К 4-97-22 и К 0-58-77.

Редколлегия: А. Барто, М. Ильин, Л. Кассиль, С. Михалков, Ал. Толстой, Е. Яковлева.

Художеств. редактор В. Житенев.

Корректоры А. Сапелкина и С. Боровская.

Слано в производство 19/II 1940 г. Подписано к печати 26/III 1940 г.
Уполномоченный Главлита А-22310.

Объем 2,5 печ. л. Ст.-форм. 93 × 120 1/8 листа.
Заказ № 2275. Тираж 250 000.

Детиздат № 2469.

Фабрика детской книги Изд-ва детской литературы ЦК ВЛКСМ. Москва, Сушеvский вал, 49.

20 АПР. 1940